

Павел Карякин — прозаик, публицист, критик. Родился 1 февраля 1976 г., окончил Челябинскую государственную медицинскую академию, работает в компании торговым представителем.

Участник Международного совещания молодых писателей в г. Каменск-Уральский, Межвузовского литературного форума им. Гумилёва в п. Переделкино.

Публикации в литературно-художественном альманахе «Чаша круговая» (Екатеринбург), Отчёте общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», в сборниках произведений участников Межрегионального семинара «Мы выросли в России» (Оренбург) и Международного совещания молодых писателей «Каменский семинар — 2» (Екатеринбург).

Павел — руководитель выездных литературных семинаров «ИСТОК-ПЛЮС» (г. Златоуст, г. Миасс). Член жюри регионального литературного конкурса «Стилисты добра», детских литературных конкурсов «Алые паруса творчества», «Как слово наше отзовется», «Люблю Отчизну я».

В 2015 г. принял на себя руководство литературной мастерской на базе Челябинской областной универсальной научной библиотеки.

Павел Карякин

Жизнь в её бытийном контексте

Обзор прозаической подборки Каринэ Гаспарян: «Армянские каникулы», «Большой змей», «День знаний», «Мона Лиза», «Наргиз»

Задача человека — расширять пространство своей судьбы, укреплять то, что содействует жизни, в противоположность тому, что ведёт к смерти. Говоря о жизни и смерти, я имею в виду не биологическое состояние, а способы бытия человека, его взаимодействия с миром.

Эрих Фромм

Перед нами пять совершенно уникальных в своей самобытности прозаических зарисовок из жизни. Уникальных, прежде всего, специфической этнической окраской и национальной нитью, но предложенных в западном стиле и ключе, несмотря на частичную стилизацию. Эти новеллы написаны под мощнейшим влиянием эмоциональных эманаций, с очень своеобразной энергетикой. Заряженные энергией жизни в её сложном бытийном контексте (когда не в каждом случае понятно, что такое хорошо и что такое плохо, что правильно и что неправильно), написанные о жизни, они повествуют не всегда о приятных вещах, и не всегда об однозначных. Однако, при всём том, безусловным объединяющим ингредиентом данных произведений служит главнейший духовный аспект — жизнеутверждающее основоположение. Жизнеутверждающее во что бы то ни стало и несмотря ни на что, как бы ни были причудливо замысловаты и порой тяжелы странные перипетийные повороты судьбы.

Автор оригинально, вероятно, интуитивно подошёл к выбору стиля. Стоит сказать, что все пять новелл стилистически довольно однородны, а поэтическое изложение касается всех сюжетных

моментов, даже весьма тяжёлых и однозначных (сюжет «Большой змей»).

1. Исключительного развития поэзия слова достигает в совокупности с бытийно-философским веществом в новелле «Наргиз» — одной из самых неоднозначных, с таким непростым иррациональным взглядом на детские взаимоотношения с точки зрения ребёнка, но через призму взрослого авторского видения. Основной бытийно-созерцательный концепт этого произведения укладывается в такой его фрагмент: «Там, за колышущимися чуть слышно марлями, рождались, росли, любили, делали детей и умирали. Но всё очень тихо, у каждого на свой лад». Набросанный же с первых строк портрет персонажа привлекает читательское внимание и глубоко интригует: «Но Наргиз отличалась от всех. Ресницы её чаще, чем у других, опускались на бледные щёки. На переменах никогда, как одноклассницы, не поправляла она толстую косу, спускающуюся до края платья. Не смеялась, как мы, просто так — без причины, вообще редко разговаривала с нами. Но это было естественно, не нарочито и воспринималось всеми не как высокомерие, а как что-то непонятное, но имеющее право на существование». Несколько точных психологических авторских «мазков», и создана отличная интрига, которую, к слову сказать, автору удаётся выдержать до самого финала. И совершенно поражающий психологически тонкой достоверностью и остротой драматизма образ отца Наргиз. Образ, кардинально меняющий концепцию произведения. Образ, после появления которого читатель подсознательно хочет вернуть первоначальные впечатления, но не может.

Интересно заметить, что автор практически никак не комментирует те или иные события, уклады, взгляды, описываемые в данных произведениях. Однако определённая авторская позиция, часто неоднозначная и далеко не всегда звучащая в унисон с традиционными точками видения типичных западных обывателей (несмотря на западный, по большей мере, стиль изложения), незримо присутствует и вполне осязаема. А посему и мораль получает уникальное преломление: основанная на армянской культуре и армянских традициях, изложенная по прошествии лет частично через западный социокультурный взгляд, мораль эта получает иное «измерение». Наиболее отчётливо это прослеживается в очень пронзительной новелле «Армянские каникулы». Сквозь щемящую и точно бы ноющую грусть на художественном полотне в минорно-поэтичном ключе набросаны образы персонажей: «Мужчины в Армении маленькие, худые и грустные. Арарат, их общая колыбель и святыня, недостижим для них. Он на территории Турции, и нога их никогда не ступит на возделанный камень у подножия. Никогда, одолев крутой склон, не сядут они, группой, или в одиночестве, на дорогой сердцу камень. И не омоют слезой память свою по убитым, но не забытым жертвам Геноцида. Вот поэтому они и грустные, все, от мала до велика, — говорила мама». «Бакинские армяне составляли свой клан, и все были связаны родственными отношениями, географией и вселенской печалью в глазах». Центральная линия этой новеллы — линия любви — подана своеобразно и нетривиально, если бы пришлось судить с точки зрения западного обывателя. Но если отбросить моменты нравственной философии любви, обусловленные этническим аспектом, так ли уж велика разница?

«Духовный прорыв». Пафос и патетика этого словосочетания, имеющего прямое отношение к постановке и исследованию духовно-нравственных проблем, всегда стоит остро. Разговор о том, что именно сегодня необходимость духовного прорыва как никогда актуальна, придаёт самому понятию «духовный прорыв» несколько спекулятивный и, я бы сказал, фальшивый оттенок. Спекулятивный хотя бы потому, что завтрашнее поколение с не меньшим пафосом, но уже применительно к себе заявит о необходимости «духовного переосмысления» как никогда. Сами аспекты духовного прорыва одинаково актуальны и для «вчерашних» понятий, актуальны и для сегодня, и для завтра — без градаций этой самой актуальности, поскольку для каждого поколения существует свой уникальный спектр духовных проблем. И предложенная нашему вниманию проза Гаспарян — эти пять миниатюр, своего рода пять слепков из рефлексий некоего глубинного, сокровенного, не желающего отпустить, далёкого, подёрнутого дымкой эмоциональных переживаний, прошлого — тому подтверждение. Автор проводит незримые нити от минувшего к настоящему. И именно эти нити, протянутые без

всякой аффектации, задают вектор духовных поисков, и именно в связи прошлого с настоящим совершается духовный анализ и та самая постановка духовных же задач. Это происходит уже хотя бы потому и как минимум от того, что без памяти о прошлом — включая трудные времена и тяжёлые вещи — человек не состоит как социум и на тот самый «духовный прорыв», о котором идёт речь и без которого духовно-социальное развитие невозможно, не может претендовать.

Ностальгия и меланхолия, которыми пронизаны миниатюры «День знаний» и «Мона Лиза», довольно специфичны. Реконструируя картины прошлого, автор не только ностальгически рефлексировать сквозь грустно-меланхолическую улыбку. Здесь нечто большее, чем печаль по безвозвратно ушедшему. Тут некая тоска по неспешной невинности тех дней, невинности, присущей людям того времени, — тоска по той «золотой» невинности, что невозможна и немислима у людей современных, «испорченных» скоростью и прагматизмом времени, изменённых трансформированными понятиями «новых» жизненных ценностей: «Она [девочка] идёт медленно, как будто несёт в ладонях лето и боится расплескать его: тёплое, ласковое, длинное и... *прошедшее*». И уж такая совсем удивительная, щемящая сердце, ретроспективная рефлексия по смешанным, одновременно горьким и дорогим воспоминаниям: «Все они [одноклассницы] были наполнены до самых краешков души воспоминаниями о доме. Я же была опустошена до дна. Не было у меня этих летних воспоминаний. Лето для меня слилось в один долгий и тягучий день. Тишина, “здравствуйте” — сонному сторожу. Поход в умывальню на другом конце двора. Завтрак в нашей огромной столовой для меня одной». И удивительной силы, для такого миниатюрного произведения, катарсическая нота в финале: «Каждая разбирала свои вещи и украдкой следила за мной. А я сидела на краешке кровати и смеялась и плакала одновременно. Они налетели стайкой, утёрли мне слёзы, убрали свои дары мне в тумбочку, одёрнули моё покрывало и потащили на ужин. Вечером я, как и все, долго ворочалась в постели».

Весьма оригинально воспринимается авторское видение продавщицы мороженого в образе Моны Лизы. Если точнее, то речь идёт о сходстве их улыбок — Моны Лизы и той самой продавщицы. Своеобразным здесь видится интертекстуальная сопоставленность двух разных искусств. Знаменитая улыбка Моны Лизы бьёт все рекорды самых возможных интерпретаций, не говоря уж о том, что благодаря Теофилю Готье — французскому поэту и писателю-романтику — стала даже литературным штампом (собственно, именно Готье в 1855 году придумал загадочную «улыбку Джоконды» и сам этот термин). Гаспарян обратилась к этой удивительной загадке, разрешить которую пытались и пытаются с переменным успехом специалисты самых разных направлений (художники, искусствоведы,

философы, психологи), предлагая порой эклектику невероятного колорита, видя в улыбке Моны Лизы то «бесконечное многообразие человеческих чувств и желаний, противоборствующих страстей и помыслов, сглаженных и слитых воедино» (Гращенко), то «необычайную интеллектуальную заряженность» (Роттенберг), то видят «не улыбку, но хищную физиономию с холодными глазами и отчетливым знанием беспомощности той жертвы, которой Джоконда хочет овладеть» (Лосев), то «двойкий смысл улыбки, обещающей безграничную нежность и зловещую угрозу» (Фрейд), то «демоническую обворожительную» (Мутер). Такая потрясающая зашифрованная полифония суждений, реализованная в образе простой продавщицы мороженого, возводит последний персонаж на удивительную линию восприятия.

Художественное полотно миниатюр Гаспарян не заполнено вычурными лексическими конструкциями. Отдельные образные решения сколь лаконичны, столь же ярки и колоритны: «Аварский сыр — белая, как снег на вершинах гор, брынза; лезгинский сыр — желтоватый, как луна над родной саклей; даргинский — нежный, со слезинкой рассола на изломе; кумыкский — твердый, как рога у барашка». Изложение, в общем, очень лёгкое, и в каких-то фрагментах я бы рискнул применить эпитет «солнечное». Но не безоблачно-солнечное. Вуаль «переменной облачности» присутствует даже в самых отрадных авторских проекциях. Отчасти это продиктовано, как уже предполагалось выше, но-стальгией по безвозвратно ушедшему. И это светлая грусть. Но отчасти причины этой «переменной облачности», вероятно, кроются в подсознательной неясности точек опоры и, соответственно, нечёткости духовных устремлений. Неясность эта вполне может быть продуктом столкновения достаточно радикальных по отношению друг другу культур, с их неоднозначными пониманиями одних и тех же истин, одних и тех же ценностей. Прибавим к этому сложные повороты и зигзаги исторических вех советского и постсоветского периодов, приведших к жестоким деформациям сознания миллионов советских граждан и спровоцировавших тяжёлые переосмысления ценностей. При таких условиях

чёткость позиций в тонком духовном русле невозможна. Невозможна она и при, условно говоря, более «тепличных» условиях. Всякая чёткость в такого рода вещах невольно отсылает в область упрощений и плоского мышления. «Вот так и никак иначе, потому что...» — зона рационального, строго логического, унифицирующего — область абстракции, необходимая для безупречного функционирования чистой логики, как инструмента разума. Однако в тонко-духовной сфере, к каковой относится художественная литература, безукоризненная математическая логика теряет свою состоятельность и в силу вступает её собрат и антипод одновременно — иррациональная логика. Именно последней под силу исследование и сопоставление противоречий, обусловленных психоэмоциональными явлениями, нечётких духовных векторов, основанных на нечёткости же и размытости жизненных понятий «как правильно и как неправильно» в сложных неоднозначных ситуациях, одним словом, вещей, которые чистая логика объяснить не в состоянии. И лишь иррациональный подход, отсылающий в область метафизических анализов и воззрений, способен наметить те самые духовные направления там, где это не представляется возможным на первый взгляд.

Мне кажется, проза Гаспарян принадлежит именно к этому разряду художественной литературы. Не давая чётких ориентиров и границ, во многом скорее созерцательная, нежели умозаключительная, проза этого автора, несмотря на кажущуюся простоту структур, часто отсылает в метафизическое пространство, где и происходит то самое, трудно поддающееся объяснению только лишь посредством логики соединение и взаимодействие бытийных элементов.

И связи. Незримые, невидимые нити между прошлым и настоящим. Те самые нити, в которых заложен главный духовно-нравственный субстрат, — главные ценности: любовь, непреходящая значимость бытия и жизнь во всём её философском богатстве проявлений со всем хорошим и со всем плохим.

Челябинск
2.7.2015